

метаами нового. В те же годы Г. открывает для себя историческую прозу, в которую подсознательно включает и «Поднятую целину», и «Как закалялась сталь».

По возвращении в Ленинград и окончании средней школы Г. поступил на филол. ф-т ЛГУ. Избрав для дипломной работы тему о Шолохове, которым Г. увлекся еще в военные годы, он сблизился с Федором Абрамовым, одоббившим его лит. опыты. При поступлении Г. в аспирантуру ЛГУ тот рекомендовал его на кафедру советской лит-ры, но, согласно творческому влечению, Г. уходит в изучение фольклора.

На науч. поприще Г. проводит исследование исторических песен о Ермаке (канд. дис.), дает разгадку возникновения «Древних русских стихотворений, собранных Киршей Даниловым». По окончании аспирантуры Г. предлагают работу лит. редактора ж. «Нева» (1957), там он приобщается к жанру лит. критики, вступая в полемику по вопросам народности и фольклоризма лит-ры.

С 1959 по 1964 Г. работал в Пушкинском Доме в Отделе народно-поэтического творчества и в ж. «Русская лит-ра», читал лекции в ЛГУ по фольклору, по лит-ре народов СССР и др. дисциплинам, руководил работой лит. объединения (оттуда вышли В. Кривулин, В. Личутин). В 1971 по предложению В. Г. Базанова Г. становится заведующим Отделом народно-поэтического творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Участвует в ряде фольклорных экспедиций, редактирует науч. сб. «Русский фольклор», «Из истории русской фольклористики», добивается издания «Свода русского фольклора», сотрудничает в ж. «Звезда» и «Русская лит-ра». Сам Г. признает, что в его жизни есть «„два кита“ — наука и литература» и что в его лит. работе, где в основном (через поэмы) он углубляется в легендарно трактуемую историю, всегда есть современность. Может быть, оттого-то поэтические произведения Г. дошли до читателя с опозданием. Поэма «Скоморохи», основанная на фольклорном материале, была завершена в 1968, а опубликована в 1989. «Сын новгородский», уже сложившийся к 1978-му, — в 2000. Яркую характеристику им дают и объясняя причины задержки в публикациях видные ученые и поэты нашего времени. «Перечитал с удовольствием Вашу поэму о скоморохах, давно на Руси не появлялось стихов с таким чудесным, чистейшим русским языком. И это не стилизация, не кокетство знанием глубин народного говора... Значение их усиливается еще потому, что в сознании возникают параллели из недавнего

прошлого (культ Сталина)» (А. П. Квятковский). «„Скоморохи“ — сильная вещь, и даже „веяние“ древней Руси чувствуется, но... никто ведь не будет столь наивен, чтобы отнести это и впрямь к Иоанну Грозному...» (Алексей Югов). А Арсений Тарковский, когда Г. ознакомил его со «Скоморохами» и «Сыном новгородским», посетовал: «Хороша наша история!.. Нет, этого нигде не напечатают! Слишком много аллюзий!» А через неделю дал рекомендацию Г. в СП СССР с обоснованием: «То, что пишет А. А. Горелов, — статьи не только об авторах художественных произведений, они и сами — художественные произведения». Ряд основных поэтических произведений Г. издан. Ждет очереди его проза. Г. обещает: «Я надеюсь еще когда-нибудь напечатать свои прозаические вещи начала — середины 60-х годов, — но при условии опережающих публикаций другой, более масштабной прозы, до завершения которой еще не дошли сроки...»

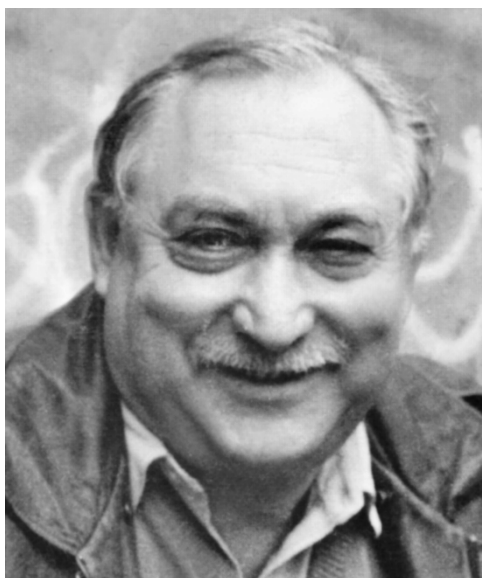
Соч.: Соединяя времена. М., 1978; Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988; Скоморохи: поэма // Звезда. 1989. № 8; [3 стихотворения] // День русской поэзии: альм. СПб., 1994; Стихи // Новый ж. СПб., 1997. № 2; Стихи // Новый ж. СПб., 2000. № 3; Сын новгородский: поэма. СПб., 2000; Горь-государь: поэма. СПб., 2001; Червленые корабли: стихи. СПб., 2003; Скоморохи: поэма. Сон о Родине: стихи. СПб., 2004; Выюга все вывет: стихи // Новая книга России. 2004. № 3.

Лит.: Нинов А. Больше требовательности! // Вопр. лит-ры. 1959. № 9; Буртин Ю. О частушках // Новый мир. 1968. № 1; Холотов Г. Рассказы о современниках // Звезда. 1978. № 6; Остроухова Л. О связи времен // Звезда. 1979. № 8; Калугин В. Вышли из фольклора // Север. 1979. № 11; Литератор. Критика: своеволие и своеобразие // Лит. газ. 1979. № 49. 5 дек.; Ульяшов П. Гласность без гласа? // Лит. газ. 1989. № 45. 8 нояб.; Ветловская В. Сын новгородский // Лит. Петербург. 2001. № 1; Кирьянов С. «Великий кавардак» // Русская провинция. 2003. № 1.

Г. В. Филиппов

ГОРЕНШТЕЙН Фридрих Наумович [18.3.1932, Киев — 2.3.2002, Берлин] — прозаик, сценарист.

Отец — крупный партийный деятель, профессор политэкономики в Киеве, был в 1935 репрессирован и вскоре расстрелян. Мать, боясь ареста, бежала с 3-летним сыном из дома, несколько лет скиталась по знакомым. В 1941, направляясь в эвакуацию, она заболела в эшелоне и умерла, а Г. попал в детский дом. После войны Г. долго ощущал клеймо «сына врага народа», он в полной мере ис-

Ф. Н. Горенштейн

пытал бездомность, бесправие. Окончив Горный ин-т в Кривом Роге, работал шахтером, строителем.

Хрущевская «оттепель» открыла для него путь в лит-ру. Он поступил на Высшие сценарные курсы в Москве. Ж. «Юность» (1964. № 8) опубликовал его первый рассказ **«Дом с башенкой»**, который сразу же был замечен критикой. В его основу легли горькие воспоминания детства: осиротевший мальчик впервые сталкивается с миром взрослых — равнодушно-холодным и непонятным. Г. и в дальнейшем щедро наделял своих героев автобиографическими чертами.

В 1968 в «Лит. газ.» печатаются рассказы **«Непротивленец»** и **«От имени коллектива»**. Однако Г. по собственному признанию, ощущал одиночество в среде шестидесятников: он не разделял ни их наивной веры в возможность гуманного социализма, ни их лит. пристрастий («комсомольской хемингуэевщины», как выразился писатель в одном из интервью 1990-х). Лит. успех Г. оказался эфемерным: уже его повесть **«Зима 53-го»** (1965) была отклонена даже либеральной редакцией «Нового мира», показавшись слишком мрачной. Ее герой Ким, так же как и сам Г. когда-то, «человек с плохой анкетой», работает в шахте. Повесть жестко реалистична, изобилует мрачными подробностями. Труд для ее героев — это каторга, беспросветный ад. Начальство, желая любой ценой выполнить план, посылает в опасные заботы подростков-фэззушников, где все они поги-

бают. Чудом спасшийся в этот раз Ким все равно обречен — и осознает это.

С середины 1960-х Г. пишет только «в стол». В 1966 написан рассказ **«Разговор»**, в 1967 — повесть **«Искушение»**. Страшная, нищая послевоенная жизнь озлобила юную Сашеньку, героиню повести, идеология всеобщего доноительства растлила ее душу — она пишет донос на собственную мать, воруящую для дочери недоеденные куски из милицейской столовой. Другая сюжетная линия — молодой офицер Август пытается найти останки родных, убитых в войну соседом во время погрома. Ненависть переполняет его, иссушает душу. Но даже на этой выжженной, забытой Богом земле прорастает новая жизнь, рождаются дети, и в финале примиренная с собой и жизнью героя баякает дочку, рожденную от погибшего Августа.

В 1972 (дополнен в 1976) написан роман **«Место»** — наиболее значительное произведение Г. В подзаголовке роман обозначен как «политический», в нем дается широкая картина общества, внезапно застигнутого хрущевской «оттепелью». Г. показывает пережитый за эти 10 лет тяжелый нравственный и идеологический кризис, которому советская система не дала естественно разрешиться: болезненные общественные проблемы были загнаны внутрь, а реабилитация, с точки зрения Г., это — не торжество справедливости, а «последний акт трагедии». Особый драматизм видится автору в том, что общественная мысль, лишенная права на свободное развитие, вынуждена была уйти в подполье. Г. показывает молодежные политические кружки, «атмосферу незаконности и политического греха», витавшую в них. Компания заговорщика Щусева — совр. «бесы», духовные потомки героев Достоевского. Они одержимы идеей собственной исключительности, жадой власти, ради которой способны идти на любую ложь и жестокость, готовы толкнуть толпу на кровавый бунт. В центре романа — судьба Гоши Цвибышева, которого Г. наделяет некоторыми автобиографическими чертами. Жизнь Цвибышева ограничена унылыми рамками непрерывной борьбы за существование. Униженный и обзлженный, он видит только свои несчастья, страдания не делают его мудрым, и когда жизнь начинает меняться к лучшему (его отца, известного гос. деятеля, реабилитируют), в его душе просыпаются наглость и агрессия. Ему нет дела до судьбы России, он бросается в нелегальную деятельность только ради самоутверждения. Закономерно, что в первой же опасной ситуации он дает согласие стать штатным агентом КГБ, как и неко-

торые его соратники — кто из страха, кто надеясь на вознаграждение и на особое «место» в обществе. В финале герой претерпевает еще одно, вполне закономерное превращение: изгнанный из КГБ, он становится добропорядочным мещанином, единственная забота которого — собственное долголетие. В этом глухом нравственном тупике и оставляет его автор. В 1973 написана пьеса **«Споры о Достоевском»**, в которой персонажи рассуждают не только о правоте и неправоте великого писателя, но и о судьбах России, поработанной имперской идеей, измученной непосильной ношей своего мессианства. В романе **«Псалом»** (1974–75) Г. обращается к сложной религиозно-философской символике, жестокие картины реальности сплетаются с мистическими видениями: на землю приходит ветхозаветный Дан, он же Антихрист, Аспид, но послан он не уничтожить, а пока только свидетельствовать о четырех казнях Господних и приближающемся Армагеддоне.

Вынужденный долгие годы писать «в стол», Г. в 1960–70-е зарабатывал на жизнь созданием киносценариев, в том числе и к таким известным фильмам, как **«Солярис»** А. Тарковского, **«Раба любви»** Н. Михалкова, **«Седьмая пуля»** А. Хамраева, работал с Тарковским еще над несколькими, в т. ч. по повести А. Беляева **«Ариэль»**. В 1979 Г. вместе с В. Аксеновым, А. Битовым, Ф. Искандером и др. принял участие в самиздатском альм. **«Метрополь»** (повесть **«Ступени»**), что вызвало резкую реакцию советских властей, и он в 1980 вынужден был эмигрировать в Западный Берлин.

За границей судьба Г. складывалась непросто. В эмигрантской среде Г. ощущал себя таким же чужаком, находящимся «вне процесса», как и в лит. среде на родине. Первое признание его произведения получили во Франции, но постепенно его повести, романы и пьесы начинают печататься в различных эмигрантских журналах, переводиться на европейские яз. В эти годы написаны повести **«Яков Каша»**, **«Куча»**, **«Улица Красных Зорь»**, **«Последнее лето на Волге»**, историческая пьеса **«Детоубийца»** (О Петре I и Алексее). С начала перестройки Г. вновь печатается в России: выходит трехтомник **«Избранное»**, в 1992 роман **«Место»** входит в шорт-лист российского **«Букера»**. В 1992 выходит и «философско-эротический» роман **«Чок-чок»**. Г. по-прежнему жил в Германии, много работал, интересовался последними российскими событиями, в интервью высказывался остро и резко о чеченской войне и территориальной целостности России, о национальном вопросе, выдвигал

идею «здорового консерватизма», который может встать на пути фашизма, критиковал идеи шестидесятников; вместе с тем писал он и о Германии. Основные свои темы он очерчивал так: **«В этом треугольнике — Россия, Германия, еврейство — я и понимаю себя»**. Говоря о собственном творчестве, Г. в качестве духовных ориентиров называл Чехова и Достоевского. У Чехова он учился «кристально честной объективности», умению честно и беспристрастно изучать сложнейшие жизненные коллизии. Отношение Г. к Достоевскому более сложно, об этом свидетельствует и пьеса **«Споры о Достоевском»**, но писатель безусловно на него ориентируется — и в проникновении в болезненные душевные тайны своих героев, и в изображении катастрофических изломов действительности. Обилие у Г. трагических сюжетов, изображение физических и нравственных страданий героев давали повод критике говорить, что «страдание, обίδα и злоба — отправная точка произведений Г.» (Новикова Л. Умер Фридрих Горенштейн). Однако общее звучание его творчества представляется не столь пессимистичным. В повести **«Последнее лето на Волге»** (1988) Г. возвращается мыслями к «кровотокающим ранам России»: «Мелеет и иссякает русская жизнь, русский национальный характер». Россия представляется ему в двух ипостасях: одна — тупо-мертвая, «все вытаптывающая, все и всех, а себя в первую очередь пожирающая», а другая — одинокая и бездомная, пропадающая во тьме и холоде. Но все-таки Г. надеется на ее «чудотворные силы», говорит о «тайнах спасения», которые будут возвещаны: **«И уж нет удручающего нетерпения, удручающей злобы на жизнь»**.

Соч.: Избранное: в 3 т. М., 1991–93; Дом с башенкой // Юность. 1964. № 8; Непротивленец. От имени коллектива // Лит. газ. 1968. № 25; Три пьесы. Нью-Йорк, 1988; Искупление. Нью-Йорк, 1984; Мой Чехов осени и зимы 1968 года // Книжное обозрение. 1989. № 42; Вне процесса // Смена. 1991. 1 мая; Муха у капли чая // Смена. 1991. 8, 15, 22, 29 мая; Чок-чок: Философско-эротический роман. СПб., 1992; Притча о богатом юноше // Дружба народов. 1994. № 7. Товарищу Маца — литературоведу и человеку, а также его потомкам // Лит. приложение к ж. «Зеркало загадок». Берлин, 1997.

Лит.: Кузьминский Б. Механизмы жалости. Искупление по Фридриху Горенштейну // Лит. газ. 1991. № 9; Кучкина О. Мог ли Чехов выйти с портретом царя? // Комсомольская правда. 1991. 12 окт.; Предостережение Фридриха Горенштейна [беседа с писателем] // Московские новости. 1995. 6–13 авг.; Новикова Л. Умер Фридрих Горенштейн // Коммерсант. 2002. 5 марта.

А. В. Успенская